

Е. А. Салиас

**Собрание сочинений графа Е. А.
Салиаса**

Том 4. Найденыш. Самокрутка

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Е11

Е11 **Е. А. Салиас**
Собрание сочинений графа Е. А. Салиаса: Том 4. Найденыш. Самокрутка / Е. А. Салиас –
М.: Книга по Требованию, 2024. – 474 с.

ISBN 978-5-458-52674-6

ISBN 978-5-458-52674-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Lebt man denn—wenn andre leben!

Goethe.

I.

Минуло почти уже два десятка лѣтъ, что Пугачевъ прошелъ по Руси. Разливанное море крови людской давно высохло. Многие пугачи и пугачевцы перемерли; другіе давно зачали въ каторгѣ и по тюрьмамъ; третьи, увернувшись отъ суда и расправы, таятъ про себя боязливо все, что надѣлали, все, что видѣли и знаютъ о себѣ и о другихъ. И остались теперь только повѣствованія да рассказы про страшныя времена...

Съ тѣхъ поръ новое народилось поколѣніе. Юноши и дѣвушки-невѣсты едва вѣрятъ рассказамъ родныхъ и мамушекъ и дядекъ про Емельяна, который хотѣлъ всю матушку Русь на топоръ посадить. И теперь давно рѣшено въ усадьбахъ господскихъ, что бунтъ Пугачевскій былъ великое упущеніе начальства.

Но на деревнѣ, въ избахъ, не такъ толкуютъ православные о недалекомъ времячкѣ. Вѣдь кому было за двадцать лѣтъ, теперь всего-то сорокъ. Помнится все хорошо! Помнится это времячко, когда чуть-чуть не потрафилось дѣло такое, что „рай бы на землѣ былъ“. „Приходилъ Петръ Федорычъ съ тѣмъ, чтобъ *ихъ* совсѣмъ искоренить, да видно прогнѣвили Бога, не выгорѣло дѣло. Не съумѣли или не судьба! Да Господь милостивъ—авось еще“...

„Болтаютъ нынѣ, якобы то былъ казакъ Донской, и его на Москвѣ шельмовали и казнили; да то пустое, *ихъ* выдумка.

Жди его и старь и малъ! Онъ, батюшка всероссійскій, паки придетъ. Сказываютъ, на Москвѣ по небу крестъ ходилъ, чрезъ все то небо прошелъ. Ну, стало, скоро“...

Тому назадъ ровно восемнадцать лѣтъ, осенью 1774 года, громадное зарево пожара въ Азгарѣ цѣлую ночь освѣщало весь уѣздъ и даже видно было съ кремлевскихъ стѣнъ города Казани.

Князь Данило Хвалынскій, вернувшись въ усадьбу Азгара, всю переполненную трупами, нашель въ числѣ прочихъ и трупъ своего отца, князя Родивона, и отроковицу сестру при послѣднемъ издыханіи, которую сначала тоже приняли за мертвую. Въ великолѣпныхъ хоромахъ все было переполнено изувѣченными мертвецами, все обрызгано и полито сивухой и кровью. Одинъ живой человѣкъ оказался въ домѣ—безумный Михалка.

Князь, похоронивъ отца, вернувъ къ жизни, почти воскресивъ, сестру Серафиму, рѣшилъ уничтожить всякій слѣдъ дома, гдѣ произошло столько страшнаго. И богатые хоромы, со всѣмъ добромъ, накопленнымъ въ двѣсти лѣтъ, за исключеніемъ семейныхъ портретовъ и нѣсколькихъ вещей, уцѣлѣвшихъ отъ разбоя, были подожжены рукой самого князя и сгорѣли до тла.

Но тотъ, кто видѣлъ этотъ пожаръ, видѣлъ громадное пространство сплошь покрытое однѣми головнями, теперь вспоминалъ объ этомъ какъ о сновидѣніи. На мѣстѣ огромныхъ хоромъ стояли точь-въ-точь такія же хоромы, будто тѣ же самыя...

Князь Данило хотѣлъ сначала уничтожить всякое воспоминаніе о прежнихъ временахъ. Онъ сгоряча хотѣлъ строить хоромы совершенно другія и на другомъ мѣстѣ. Но, выписавъ архитектора изъ Петербурга, вдругъ, по странному чувству, сталъ строить новыя хоромы точь-въ-точь такія же, каковы были прежнія. Домъ вышелъ до малѣйшихъ мелочей похожъ на прежній домъ, а затѣмъ даже мебель была заказана въ столицѣ или сдѣлана у себя, своими мастерами, совершенно схожая съ прежнею. Всѣ, отъ самаго князя Данилы Родивоныча и его сестры Серафимы до послѣдняго двороваго столяра и слесаря, помогали своими воспоминаніями и указаніями, чтобы создать вновь сожженные хоромы князя Родивона и предковъ. Дѣло это было не легкое, къ тому же новыя хоромы все-таки вышли богаче и великолѣпнѣе старыхъ.

Главный корпусъ дома остался внутри и по внѣшности тотъ же. Крыльцо, выходившее во дворъ, нѣсколько неуклюжее, съ большими ступенями, выстроенное около ста лѣтъ назадъ, было тоже восстановлено. Даже штукатурныя и лѣпныя украшенія по стѣнамъ дома были по памяти нарисованы Серафимой, и она сама наблюдала за работой, чтобы мастеровые не ошиблись, а также не выдумали бы чего новаго, различнаго съ прежнимъ. Одно только рѣшилъ князь измѣнить, а именно, какъ выражались, „рубашку дома“. Во время Пугачевщины домъ былъ окрашенъ въ желтый цвѣтъ, теперь же его окрасили въ лиловато-сѣрый колеръ, какимъ онъ былъ всегда и какимъ его помнилъ князь еще въ дѣтствѣ. Но когда домъ былъ оконченъ, пришлось неожиданно отступить отъ первоначальнаго желанія князя, чтобы все было по старому, и по очень простой причинѣ. Обстановка князя Хвалынскаго была уже не та, что прежде, при его отцѣ и дядѣ. Тогда многочисленная дворня, сытая и одѣтая, помѣщалась чуть не хуже крестьянъ на селѣ. Всѣ жили по „семейникамъ“ въ нижнемъ подвальному этажѣ и въ нѣкоторыхъ службахъ, надъ сараемъ, надъ кладовыми и даже въ одной приспособленной для жилья оранжереѣ, гдѣ разъ въ одну зиму погибли всѣ грунтовыя деревья. Каждая комната раздѣлялась досчатыми перегородками на нѣсколько маленькихъ конуръ, узкихъ и продолговатыхъ. Въ раздѣленіи комнаты руководились только однимъ условіемъ, чтобы каждый семейникъ имѣлъ свое окно. Только любимцы или черезчуръ многочисленныя семьи пользовались двумя окнами, то-есть получали конуру болѣе просторную. Въ такомъ помѣщеніи бывало тѣсно даже одинокимъ мужу съ женой; когда же прибавлялись дѣти или родня, отецъ, мать, сестра, то жить приходилось совсѣмъ „по звѣриному“. Князь не захотѣлъ теперь имѣть такія помѣщенія для Азгарцевъ, которыя порицалъ одинъ изъ его сосѣдей, полу-Нѣмецъ и почти соперникъ по роскоши обстановки.

Вдобавокъ у князя, прежде чѣмъ поспѣлъ новый домъ, уже успѣли появиться безъ числа новые обыватели, нахлѣбники всякаго рода и званія. И весь этотъ людъ, по выраженію старика дворецкаго Агаѣонова, „гости съ четырехъ вѣтровъ“ были дворяне или полудворяне и иноземцы, которымъ требовались изъ приличія настоящія квартиры, такъ какъ многіе изъ нихъ были люди семейные и съ собственною прислугой. Всѣмъ этимъ пришельцамъ, которые стали расти какъ грибы

когда пронесся слухъ, что именитый князь охотно оставляетъ у себя всякаго на хлѣба, было обѣщано помѣщеніе, когда домъ будетъ готовъ. Пока всѣ помѣщались гдѣ попало и даже у крестьянъ на селѣ, а самъ князь въ павильонѣ въ саду.

Когда вѣрная копія стараго дома была окончена, то разумѣется нашлось много ненужныхъ парадныхъ комнатъ, гостиныхъ и диванныхъ и много такихъ, гдѣ жили прежде близкіе родственники и дѣти, ихъ пестуны, мамки, дядьки, кормилицы, гдѣ жилъ въ дѣтствѣ и самъ князь съ братомъ Иваномъ, а еще прежде незамужнія тетки со своею прислугой. Всѣ эти комнаты по главному фасаду, около гостиныхъ, не вдалекѣ отъ кабинета и опочивальни князя, разумѣется, нельзя было приличія ради отдать нахлѣбникамъ и приживальщикамъ. Близость помѣщенія въ нѣкоторой степени равняла бы ихъ съ княземъ. Такимъ образомъ пришлось прибавить къ дому два крыла, въ два этажа каждый. Такъ какъ пожаръ дома уничтожилъ ближайшую растительность, за исключеніемъ одного вѣкового громаднаго дуба, чудомъ уцѣлѣвшаго, то князь утѣшалъ себя мыслью, что флигеля займутъ пустое пространство. Въ этихъ пристройкахъ, выходящихъ дугообразно въ садъ, образуя вмѣстѣ съ домомъ какъ бы подкову, верхніе этажи были отданы дворянамъ и важнѣйшимъ иностранцамъ, а въ нижнихъ помѣстились люди вольные, не холопы, но и не благородные, а изъ таковыхъ состояла большая часть придворныхъ князя. Для дворовыхъ людей было выстроено отдѣльное зданіе, тянувшееся направо вдоль всего большого двора. Противъ него налѣво было такое же, гдѣ были сарай и конюшни. Экипажамъ и лошадямъ было еще просторнѣе, чѣмъ дворнѣ.

Только послѣ двухлѣтнихъ усиленныхъ хлопотъ и огромныхъ затратъ князь Данило Родивонычъ поселился въ новыхъ хоромахъ, и глазамъ своимъ не вѣрилъ, что собственною рукой сжегъ обиталище своихъ предковъ, настолько новый домъ былъ вѣрною копіей прежняго. По крайней мѣрѣ теперь князь жилъ среди стѣнъ и среди обстановки, которая, за исключеніемъ портретовъ, не видала предсмертныхъ мукъ его отца и по этому полу не проливалась кровь его. Все, что было свидѣтелемъ страшной кончины отца, уничтожилъ пламень. И то же самое, точь-въ-точь, дорогое, но новое, иное, какъ бы по мановенію жезла волшебнаго, снова возстало изъ пепла!

Черезъ два, три года жизнь въ этихъ хоромахъ и во всемъ Азгарѣ пошла снова какъ будто на тотъ же ладъ. Какъ будто не только домъ этотъ никогда не сгоралъ, но и Пугачевщины никогда не бывало. Все пошло и шло по старому, по бывалому. Глянешь на эти хоромы,—да они никогда и не горѣли; глянешь на жизнь князя Данилы Родивоныча,—да это тотъ же Родивонъ Зосимычъ, только помоложе, да посуровѣе. Тотъ былъ вдовъ, да и этотъ будто вдовъ. У того были сыновья, но въ отсутствіи, и предъ Пугачевщиной въ домѣ прыгала и рѣзвилась одна княжна Серафима. Теперь въ домѣ тоже одна княжна, такая же рѣзвая, такая же любимица всей дворни. Пойдешь на деревню, глянешь въ лицо православныхъ, переберешь одного, другого, третьяго, да и усомнишься... Да кто жъ это бунтоваль? Да кто жъ это топоромъ крошилъ помѣщиковъ и дворянъ? Гдѣ жъ они? Такихъ и лицъ нѣтъ! Или они всѣ въ Сибирь ушли? Нѣтъ не всѣ! Сказываютъ, вотъ, Карпушка кузнецъ, которому теперь лѣтъ шестьдесятъ, всему былъ заводчикъ, много дѣловъ натворилъ, самъ пугачемъ былъ. Пять городовъ, какъ „енараль“ какой, приступомъ взялъ! А глянешь ему въ лицо, посмотришь какъ онъ опять съ молотомъ надъ подковами для господскихъ коней орудуетъ въ кузницѣ, да какъ шапку ломитъ предъ управителемъ и какъ ласково улыбается... Пустое! Не можетъ того быть! Гдѣ этому Карпушкѣ было бунтовать! Все, чай, рассказы...

II.

Князь Данило Родивонычъ за эти восемнадцать лѣтъ мало измѣнился лицомъ. Тогда ему было за тридцать лѣтъ, теперь около пятидесяти. Былъ онъ и прежде суровъ, гнѣвенъ, не мягкосердъ, а теперь сталъ еще неприступнѣе.

Вслѣдствіе огромнаго богатства и многихъ большихъ вотчинъ, вслѣдствіе его замкнутой жизни въ пышныхъ хоромахъ Азгара, его гордости и высокомерія, а отчасти вслѣдствіе громаднаго штата дворовыхъ и разнаго рода нахлѣбниковъ всѣхъ возрастовъ и состояній, князь Данило Хвалынскій назывался во всей округѣ „азгарскимъ царькомъ“.

Прежде, еще при жизни стараго князя, не очень любили старшаго князеньку Данилу, всѣ обожали младшаго, Ивана, а теперь будто привыкли къ новому князю и онъ всѣмъ „батюшка, отецъ родной“; можетъ быть и рады бы его не любить, да такъ боятся, что съ виду будто и любятъ. Теперь

только старъ и малъ, кто помнитъ князя Родивона Зосимыча, вспоминаеть его зачастую, и убиенный князь чтимъ теперь всѣмъ Азгаромъ, какъ святой.

Этотъ князь, Родивонъ, былъ горячъ и вспыльчивъ, но дѣйствительно доброй души человѣкъ, правдивый и теплославный. Виноватый бывалъ у него иногда и шибко виновать, но невинный никогда виновенъ не бывалъ. Если же случалась иногда ошибка въ расправѣ, то князь замаливалъ свой грѣхъ по-своему. Начиналось съ вопроса безвинно-наказанному: „Ну, чѣмъ тебѣ отплатить? Проси, чего хочешь!“ И просьба, какъ бы безразсудна ни была, исполнялась по мѣрѣ возможности. Одинъ дворовый попросилъ женить его на казанской мѣщанкѣ, которую за него не выдавали. Князь съ большимъ трудомъ, но устроилъ свадьбу, хотя пришлось начать съ дачи „вольной“ жениху и кончить дачей приданого невѣстѣ. Всѣ эти подробности и мелочи быта при убиенномъ князѣ вспоминались теперь будто въ укоръ нынѣшнему владѣтелю.

Даже пороки князя отца ставились ему теперь въ заслугу. Рѣдкая молодуха изъ дворни и съ села проходила мимо рукъ князя Родивона. Jus primaе noctis какъ-то само собою издавна завелось и вошло въ обычай въ Азгарѣ, а при свирѣпомъ и жестокомъ князѣ Зосимѣ укоренилось будто освященное преданіемъ и затѣмъ неукоснительно соблюдалось за всю жизнь князя Родивона. Съ юности и до старости, чуть не до послѣднихъ дней князь просто, открыто, не тая и не обращая въ забаву бралъ къ себѣ въ хоромы всякую молодуху, которая оставалась и день, и недѣлю, и мѣсяцъ, смотря по прихоти князя, и затѣмъ отпускалась домой съ сундукомъ всякой рухляди. Князь лично и близко зналъ почти всѣхъ женщинъ въ своихъ владѣніяхъ. Къ нѣкоторымъ на всю жизнь оставалась у него какая-то короткость и фамиллярность отношеній. Женщина шла безъ страху въ случаѣ нужды, горя и всякаго дѣла къ князю, напоминала о себѣ, объясняла когда она была въ „милости“. Иногда князь почему-либо хорошо припоминалъ себѣ время пребыванія въ домѣ просительницы и вспомнивъ исполнялъ просьбу, помогалъ, заступался, входилъ на время во всѣ нужды и заботы...

Но женщинъ этихъ была масса, слѣдовательно такія почти всѣ близкія князю личности являлись постоянно, чуть

не черезъ день, а слѣдовательно постоянно, всю жизнь князь Родивонъ озабочивался и устраивалъ судьбу своихъ подданныхъ, стариковъ и молодыхъ чрезъ ихъ женъ.

Конечно, не безъ грѣха было. За послѣдніе два десятка лѣтъ жизни князя матерямъ приходилось приводить во дворъ уже дочерей невѣсть... Бояринъ становился лицомъ къ лицу съ этимъ вопросомъ безпомощно, какъ бы предъ велѣніемъ судьбы или предъ закономъ.

— Не годно-бы... Да что-жь тутъ подѣлаешь!

Князь Данило Родивонычъ, менѣе грѣшный въ этомъ дѣлѣ, обставлялъ все иначе и конечно только къ соблазну Азгарцевъ, привыкшихъ однако ко многому. Князь-сынъ прихотливѣе обращался со своими подданными; онъ не соблюдалъ правъ ихъ освященныхъ не закономъ, а обычаемъ. Отецъ, бывало, жалѣетъ временную наложницу, а все-таки отпустить къ молодому мужу и просить простить, что „малую толику ее задержалъ при себѣ“, а сынъ въ случаѣ прихоти или напоминанія сошлетъ мужа, а то и обоихъ вмѣстѣ въ Сибирь на поселеніе.

— Вотъ тебѣ и наградила! шепчуть Азгарцы.—Нѣтъ, покойный-то князь бывало не такъ...

И главное что вредило князю Данилѣ во мнѣніи его крѣпостныхъ—это невольное, общее и постоянное сравненіе его съ отцомъ.

Къ этому присоединялась еще черта его характера, рѣзко сказывавшаяся въ управленіи и отзывавшаяся на жизни подданныхъ—крайняя строгость безъ тѣни ласковости.

— Добра отъ него не жди, а худо всегда за пазухой, говорили про князя.

И чѣмъ дальше отодвигается назадъ то время, чѣмъ болѣе всякое былье заслоняетъ прежнія азгарскія времена и прежніе порядки, тѣмъ яснѣе и кротче смотритъ изъ-за этого былья свѣтлый ликъ убіеннаго князя Родивона Зосимыча на всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ азгарскихъ, тѣмъ жесточе кажется всѣмъ нынѣшній князь, тѣмъ труднѣе кажется житье теперешнее.

Много народу въ день именинъ нынѣшняго князя сходится отовсюду съ низкими поклонами. Мнится князю Данилѣ Родивонычу, что онъ заслужилъ любовь и преданность своихъ холоповъ своею справедливостью. Но когда наступитъ день кончины убіеннаго раба божьяго князя Родивона и въ азгар-

скомъ храмѣ служить заупокойную обѣдную приглашаемый ежегодно изъ Казани архіерей, то несмѣтныя тучи и своихъ и даже чужихъ крестьянъ покроютъ весь Азгарь.

Дивится князь этой любви къ покойному отцу. Ничего вѣдь онъ имъ, кажется, не сдѣлалъ особаго за всю свою жизнь.

Да и почему знать, быть можетъ въ этомъ морѣ людскомъ, что добровольно заливаешь храмъ азгарскій и усердно молится надъ могилой убіеннаго князя... можетъ-быть есть еще сорока и пятидесятилѣтніе молодцы, которымъ дѣло убіенія и разгромъ азгарскій—дѣло не чуждое.

Каждый разъ, каждый годъ князь Данило со своего високаго барскаго мѣста въ церкви, обитаго краснымъ сукномъ, озирается ястребинымъ взоромъ на эту толпу, колыхающуюся предъ алтаремъ, глядитъ на эти сильныя закорузлыя руки, что мелькаютъ по плечамъ молящихся, и думаетъ:

„Быть-можетъ вотъ эта самая рука, этого самаго Семена или Ивана и нанесла родителю послѣдній ударъ“.

Князь правъ. Но чудное дѣло не въ томъ, а въ томъ, что этотъ Семень или Иванъ тоже правы. Этотъ Семень, прибѣжавшій на поминки убіеннаго князя верстъ за двадцать, еще вчера ввечеру, при свѣтѣ лучины, въ полусумракѣ грязной, ветхой и холодной избы слушалъ рѣчи захожаго челоуѣка безъ рода и племени. И сказывалъ захожій челоуѣкъ:

— Крестъ-то по небу и вправду вѣдь ходилъ на Москвѣ. Опять придетъ, батюшка!.. Жди, люди!..

Вчера онъ слушалъ эти рѣчи, вспоминалъ о томъ, что видѣлъ, слышалъ и самъ надѣлалъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ, а утромъ побѣжалъ съ другими въ Азгарь на поминки убіеннаго барина-князя. Зачѣмъ? Изъ лукавства? Какъ можно! Такого не видывано!.. А такъ...

Князь Данило Родивонычъ зналъ хорошо своихъ крестьянъ и зналъ, что они таковы же, какъ и всѣ на Руси. И всѣхъ тѣхъ, кто былъ мало-мальски замѣшанъ въ прошломъ бунтѣ, князь Данило перебралъ. Но понались тѣ, что попроще, а тѣ, что поувертливѣе, уцѣлѣли. Во всемъ Азгарѣ былъ только одинъ тотъ кузнецъ, Карпушка, про котораго упорный слухъ ходилъ, что его рыло въ пуху. А мало-ли ихъ было, которые были, быть-можетъ, еще виновнѣе и которыхъ князь видалъ всякій день, а уликъ на лицо не было. И эта мысль, что около него живутъ цѣлы и невредимы убійцы его отца, отчасти отравляла существованіе злопамятнаго и мстительнаго князя.

III.

Разумѣется, въ этихъ новыхъ и великолѣпныхъ хоромахъ Азгара тяжело было жить. Народу было много, всего конечно вдоволь, будто вѣчный пиръ горой. А всѣ обитатели больше все утрюмы. Дѣйствительно, изо дня въ день, изъ мѣсяца въ мѣсяць, изъ года въ годъ, за эти восемнадцать лѣтъ, на всѣхъ обитателяхъ Азгара, на всей будничной жизни князя, домочадцевъ и крѣпостной дворни лежалъ какой-то гнетъ. Многое способствовало этому. И суровый нравъ князя, его гордость и неприступность, отчасти и страшное воспоминаніе о томъ, что совершилось здѣсь во дни Пугачевщины, отчасти и рознь, которая укоренилась между всѣми нахлѣбниками. Наконецъ, вліяло много на все отсутствіе хозяйки-княгини. Князь былъ словно вдовецъ. Не было женской правящей руки и мягкаго примиряющаго женскаго суда среди этого разнохарактернаго люда, ибо семейная жизнь Данилы Родивоныча была послѣдствіемъ необдуманнаго и роковаго шага. У него была жена и дочь. Въ азгарскихъ хоромахъ жили теперь княгиня Софья Ивановна и княжна Аграфена Даниловна.

Княгиня была не кто иная какъ прежняя красивая и крошечная, а нынѣ глупая и донельзя безобразная крымская Татарка Шерфе, прошедшая чрезъ много и много рукъ, прежде чѣмъ сдѣлаться наложницей, а потомъ супругой князя. Княжна Аграфена или Груня, какъ звалъ ее князь, была его дочь, изъ-за которой именно и женился онъ на Шерфе, что сдѣлало ее княгинею Софьей Ивановной. Прежнее имя Шерфе было, конечно, забыто всѣми. Всѣ звали княгиню Софью съ выдуманномъ именемъ „по-батюшкѣ“, такъ какъ Богъ вѣсть какой крымскій Татаринъ былъ ея отцомъ. Одинъ князь не забылъ этого татарскаго имени и теперь еслибы кто заглянулъ въ сердце Данилы Родивоныча, то быть-можетъ увидѣлъ бы въ этомъ сердцѣ кровью написанное или каленымъ желѣзомъ выжженное имя въ пять буквъ: „Шерфе“.

Князь вѣнчался въ азгарскомъ храмѣ вскорѣ послѣ Святокъ и узналъ потомъ, что случайно вѣнчался въ то самое утро, когда Пугачевъ клалъ голову на лобномъ мѣстѣ среди Москвы.

Но во время вѣнца и послѣ того изъ года въ годъ, да и теперь смущенъ князь однимъ и тѣмъ же помысломъ. Гласъ

народа—гласъ Божій. А гласъ народа не хочеть считать прежнюю, всѣмъ дорогую княгиню Людмилу Дмитріевну покойницей.

Ежегодно въ роковой день исчезновенія княгини князь съ женой и дочерью, съ сестрой Серафимой, которая теперь замужемъ, съ ея семействомъ и со всѣми домочадцами совершаетъ поминки. Но людъ православный и любившій княгиню Людмилу, помнящій ее, ходитъ на эти поминки по приказанію, чуть не насильно.

— Нѣтути, сказываетъ каждый разъ послѣдняя глупая тетка или бабушка на селѣ,—не пойду я грѣшить. Живую упокойницей ставить! Нѣтути. Безъ вѣсти пропала княгинюшка, не померла...

И вотъ почти два десятка лѣтъ что не сходить съ устъ у Азгарцевъ, не выходитъ изъ головы и изъ сердца кѣмъ-то тогда же сказанное: „Безъ вѣсти пропавшій—не мертвецъ“!..

И князь Данило Родивонычъ невольно смущенъ. Онъ иногда вѣрить, что Милуша на томъ свѣтѣ давно, что погибла изрубленная въ куски промчавшимся дикимъ и пьянымъ Пугачемъ. А иногда, вспоминая при какихъ обстоятельствахъ, послѣ какого происшествія Милуша исчезла, онъ невольно начинаетъ вѣрить, что она умерла безповоротно... но только для него одного. И столько лѣтъ думаетъ и сомнѣвается князь, что Милуша умерла и что Милуша жива! А кто былъ когда-то невольною причиной гибели или исчезновенія Милуши? Та же Татарка Шерфе, нынѣ княгиня Софья Ивановна.

А какъ не пристало этому дикому существу это имя! Она впала будто въ дѣтство и про нее словно забыли, а когда вспоминали, то съ презрѣніемъ. У ней было нѣсколько комнатъ, но теперь она полюбила одну изъ нихъ, ту самую маленькую съ лежанкой, гдѣ когда-то жила и была найдена убитою Пугачемъ старуха Кирилловна.

Комната эта, конечно, была не та же самая, но точь-въ-точь такая же, какъ и та. И Софья Ивановна отъ зари до зари лѣтомъ сидѣла у окошка, а зимой лежала на лежанкѣ. Комнаты этой не любили дворовые, говорили, что не слѣдовало князю строить верха такіе жъ, какіе были прежде. Низъ пускай бы сдѣлалъ, каковъ онъ былъ, а верхъ надо было перемѣнить. А то грѣхъ вышелъ...

И говорили дворовые про верхній этажъ, выстроенный